

На правах рукописи

Вершинина Юлия Евгеньевна

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНСТИТУТОВ РОДСТВА И ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ
РОДСТВЕННИКАМИ В ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ РАННЕГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Специальность 07.00.03 — всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Нижний Новгород – 2020

Диссертация выполнена на кафедре истории средневековых цивилизаций Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (ННГУ)

**Научный
руководитель:**

Маслов Артем Николаевич

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории средневековых цивилизаций ИМОМИ ННГУ

**Официальные
оппоненты:**

Петрова Майя Станиславовна

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гендерной истории ФГБУН «Институт всеобщей истории Российской академии наук»

Бикеева Наталья Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Защита состоится 24 декабря 2020 г. в 13:00 на заседании диссертационного совета Д 999.133.02 при ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», при ФГАОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, ауд. 320

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» и на сайте ННГУ

<https://diss.unn.ru/files/2020/1053/diss-Vershinina-1053.pdf>

Автореферат разослан «_____» 2020 г.

Ученый секретарь диссертационного совета кандидат исторических наук,
доцент

А.М. Абидулин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность исследования. Диссертация посвящена сравнительному изучению репрезентаций институтов родства и отношений между родственниками в исторических нарративах важнейших церковных писателей раннего Средневековья — Григория Турского, Беда Достопочтенного и Павла Диакона.

Многочисленные труды антропологов и этнографов доказали, что изучение способов, с помощью которых то или иное общество структурирует родственные отношения, существенно влияет на понимание его исторической специфики. Развивая проблематику исследований родства коллегами-антропологами, историки второй половины XX — начала XXI в. смогли подробно изучить самые разные аспекты социальных процессов, связанных с родственными узами, включая изучение систем родства, систем терминов родства, особенности учета родственников по сторонам родства (латеральность), принципы счета родства (линейность), практики классификации родственных отношений, значение родственных связей в политической и экономической сферах и т.д. Наряду с антропологическим вопросником историки активно используют и подходы, выработанные ранее демографами, лингвистами, правоведами. Тем не менее, примеры комплексного исследования систем родства в раннесредневековых социумах относительно редки.

Еще более редким видится опыт изучения проблем восприятия родства на материале исторических нарративов, созданных в первые столетия Средневековья. До сих пор исторические сочинения раннего Средневековья использовались исследователями родства достаточно редко в силу «ограниченности» сведений по указанной проблематике и определенной предвзятости, связанной с личностями их авторов. Последние в большинстве своем были клириками, которые занимали различные позиции в иерархии христианской церкви (епископы, аббаты, монахи и т.д.). При этом довольно часто героями их произведений становились миряне, хотя степень осведомленности авторов о реалиях жизни в миру могла быть различной и зависела от особенностей жизненного пути самого клирика.

Вместе с тем, исторические нарративы — уже в силу самой их жанровой специфики — предоставляют уникальную возможность для изучения представлений о родстве и родственных отношениях. С одной стороны, эти нарративы предполагают сознательный отбор сведений, которые будут включены в сочинения, исходя из их «полезности» для современников и потомков, «достопамятного» характера, связи с актуальными политико-правовыми коллизиями. С другой — авторы этих сочинений, безусловно, должны были учитывать «горизонты ожиданий», присущие их аудитории, чтобы рассказ воспринимался

ею как достоверный, находил отклик в ее мыслях и чувствах, влиял на мировоззрение и поведение читателей. Таким образом, хотя исторические сочинения периода раннего Средневековья, несомненно, представляют собой ангажированные в политическом, социальном, эстетическом плане произведения, однако комплексный их анализ (предполагающий, помимо прочего, и сравнение с агиографией, энциклопедическими и правовыми памятниками) позволяет выявить ряд характерных особенностей в восприятии родства.

Отношение к различным социальным практикам могло варьировать у создателей этих произведений в зависимости от их социальной и этнической принадлежности, особенностей жизненного пути и т.д. Нюансы отражения действующих в обществе социальных институтов в исторических нарративах также связаны с уровнем владения латынью (в ее литературной и разговорной форме) каждым из авторов. Последним, вероятно, приходилось учитывать и то, насколько хорошо владела латинским языком потенциальная аудитория их сочинений. Все эти обстоятельства могли влиять, в первую очередь, на терминологию, использовавшуюся для передачи существовавших в обществе социальных практик и отношений родства, которые не всегда находили аналоги в латинском языке. Анализ исторических нарративов также позволяет выявить специфику отражения родственных отношений в зависимости от целей, которые ставили перед собой их создатели. В частности, они могли определять отбор сюжетов, встраиваемых в повествование, конструирование самого рассказа о тех или иных событиях, приводимые параллели и аналогии с другими ситуациями из истории (мирской или священной).

Все вышесказанное демонстрирует важность штудий по восприятию родства и родственных отношений отдельными раннесредневековыми авторами для воссоздания их картины мира, без понимания которой затруднена адекватная интерпретация событий, описанных в их сочинениях. В то же время большое значение имеют сравнительные исследования этих аспектов мировоззрения писателей периода раннего Средневековья, поскольку только сравнительный анализ поможет выявить объективно существовавшие социальные практики и институты, связанные с отношениями родства, и их восприятие — если не всем обществом, то, по крайней мере, отдельными его частями. Кроме того, компаративное изучение репрезентаций родства на материале раннесредневековых исторических нарративов может способствовать развитию таких относительно новых междисциплинарных направлений научного поиска как история эмоций, историческая семантика, *memory studies* и ряд др. В совокупности данные обстоятельства свидетельствуют о научной актуальности настоящей работы.

Объектом диссертационного исследования выступают представления об институтах родства в раннесредневековом обществе. **Предметом исследования** является репрезентация родства и связанных с ним социокультурных практик и отношений в контексте исторических повествований Григория Турского, Беды Достопочтенного и Павла Диакона.

Цель работы — выявление общих черт и особенностей, характеризующих представления о родстве в историографических текстах трех писателей Раннего Средневековья. Достижению поставленной цели должно способствовать решение следующих исследовательских **задач**:

1. Систематизировать современную историографию по проблемам родства и родственных отношений в период поздней Античности и раннего Средневековья;
2. Выявить круг терминов, используемых в каждом сочинении для описания родственных отношений, охарактеризовать историко-семантические аспекты репрезентации¹ родства тремя раннесредневековыми авторами, провести сравнительный анализ семантики слов, передающих отношения родства в их произведениях (отдельного внимания заслуживает и уточнение значений латинских терминов родства для их более точной передачи при переводе на новоевропейские языки);
3. Охарактеризовать восприятия авторами кровнородственных отношений, включая топику эмоциональной привязанности между родственниками, их взаимодействия в различных исторических ситуациях, поминовения современниками и потомками;
4. Определить особенности формирования и переживания так называемых квази-родственных связей, распространенных в сообществах, которые описывались Григорием Турским, Бедой Достопочтенным и Павлом Диаконом.
5. Сравнить восприятие тремя авторами родства и родственных отношений, с целью установить их объективные характеристики, а также этно-исторические, географические и социальные особенности для более четкого понимания мировоззрения самих авторов, а также социальных групп раннесредневекового европейского общества, к которым они принадлежали.

Хронологические рамки нашего исследования охватывают период с последней трети VI до конца VIII столетия, который обычно характеризуется в качестве переходного,

¹ Под *репрезентацией* в настоящей работе мы понимаем «опосредованное, “вторичное” представление первообраза и образа, идеальных и материальных объектов, их свойств, отношений и процессов» (Микешина Л.А. Репрезентация // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 826). Репрезентация представляет собой воспроизведение того, что человек видел, слышал и/или чувствовал в устной, письменной и иных формах, часто сопровождающееся изменениями передаваемой информации под воздействием различных психологических и физических факторов, влияющих на то, как человек усваивает информацию. К таким факторам можно отнести время, физическое и эмоциональное состояние субъекта в момент получения информации, а также сложившуюся у него картину мира и личный опыт.

вместившего в себя активный синтез варварских, античных и христианских традиций во всех сферах жизни общества. Конкретизация указанных хронологических рамок может осуществляться с опорой на датировку основных источников, использованных в работе (и, безусловно, отразивших различные грани данного синтеза). Так, нижней границей предлагается считать 570-е гг., когда Григорий Турский, предположительно, начал писать «Историю франков», верхней же — 799 г. — год смерти Павла Диакона, когда, по-видимому, этим автором была завершена и работа над «Историей лангобардов». Определение **географических рамок исследования** основано на необходимости анализа текстов, происходящих из: а) франкского королевства в границах, которое оно имело в середине VI в., б) англо-саксонских королевств в Британии середины VII — начала VIII в., в) королевства лангобардов в Италии VIII столетия. При определении географических рамок мы руководствовались необходимостью проанализировать генезис текстов в рамках и континентальной, и островной традиции историописания, а также стремлением выявить особенности восприятия родства в сообществах, характеризующихся разной степенью романо-германского синтеза и христианизации.

Как следует из сказанного выше, главными **источниками исследования** послужили крупнейшие исторические сочинения Раннего Средневековья — «Десять книг историй»² (Decem libri historiarum) Григория Турского, «Церковная история народа англос» (Historia ecclesiastica gentis anglorum) Беда Достопочтенного и «История лангобардов» (Historia langobardorum) Павла Диакона. Выбор этих текстов обусловлен, во-первых, тем, что они описывают — на широком временном и географическом промежутке — сообщества, сыгравшие ведущую роль в формировании средневековой европейской цивилизации. Во-вторых, обращение к данным текстам позволяет проблематизировать трансформацию институтов родства в связи с различным уровнем романизации и романо-германского синтеза. В-третьих, обнаруживают определенное сходство ключевые вехи «творческих биографий» интересующих нас авторов: все они были священнослужителями, получили хорошее (по меркам своего времени) образование, оставили после себя произведения различных жанров. Этим сходством подкрепляется возможность гипотетически релевантного сравнения данных, получаемых при анализе их произведений. Вместе с тем, конкретные обстоятельства жизненного пути Григория, Беда и Павла, конечно же, существенно отличались друг от друга, что позволяет сконцентрироваться, главным образом, на *исторической специфике* восприятия родства и семейных отношений тремя церковными авторами Раннего Средневековья.

² Более известная как «История франков».

В целях сравнительного анализа нами использовались и другие раннесредневековые и античные литературные произведения — как указанных выше, так и иных авторов — а также памятники раннесредневекового законодательства. В частности, для более полного выяснения взглядов авторов «Историй» на родство привлекались составленные ими агиографические и исторические сочинения. Для выявления особенностей восприятия событий прошлого, связанных с родством, нами использовались исторические сочинения, которые, в том числе, служили источниками сведений для «Историй». В диссертации использованы и записи норм права, действовавших у германских народов в период складывания государственности. Для уточнения некоторых свидетельств трех «Историй» привлекались памятники, созданные, в том числе, на основе трудов Григория, Беды и Павла.

Степень изученности темы. Интерес к родству как объекту научных штудий возник во второй половине XIX века, когда первые исследователи, работавшие на стыке этнографии/этнологии и истории, обратились к проблемам происхождения самого института родства и различных родственных коллективов прошлого и настоящего. Такие ученые как И.Я. Бахофен, Д.Ф. Мак-Леннон, Г.С. Мейн и Л.Г. Морган на долгие десятилетия определили как основные направления научного поиска в рамках данной проблематики, так и релевантные ей источники. В фокусе научных исследований оказался поиск ответа на вопрос о том, имело ли место эволюционное развитие родственных и брачно-семейных коллективов (и каковы, в таком случае, были его этапы), или же формы организации этих коллективов не претерпели значительных изменений на протяжении истории человечества. В исследованиях, посвященных истории Рима и Средневековой Европы вопросам родства и семьи в целом уделялось в этот период крайне мало внимания. Главным образом в них освещались проблемы правового положения членов родственных групп и, в частности, вопросы наследования. Коллективы родственников рассматривались как один из социальных институтов, который играл определенную роль в политической, экономической и социальной жизни общества. Основными источниками этих исследований служили законодательные памятники прошлого, а также данные мифологии и фольклора.

Направление исторических исследований, посвященных вопросам семьи и родства, начинает постепенно меняться во второй половине XX в. под влиянием исторической демографии и увеличения интереса к изучению отношений и поведения людей прошлого, а также в связи с влиянием на историческую науку антропологии через заимствования ее методов и проблематики исследований. На первый план начинают выходить вопросы о взаимоотношениях между членами семьи, материальной и духовной составляющей отношений родства, положении отдельных членов семьи (сначала детей, а затем и других),

особенностях семейно-родственных отношений у представителей различных социальных слоев общества и об их региональной специфике. Отдельным направлением исследований стало изучение влияния христианства на институты семьи и родства. Значительное внимание вопросам родства стало уделяться и в рамках гендерных исследований, в рамках которых рассматривалось положение женщины в семейных и родственных коллективах. Новое измерение возникло и в трудах, посвященных браку: если ранее исследователи рассматривали преимущественно правовые его аспекты, то теперь основное внимание уделялось изучению стратегий поиска брачного партнера, обычаев и ритуалов заключения брака, отношениям между супругами и проблеме супружеской любви, процессу формирования и утверждения христианских принципов заключения брака. Кроме того, активно стали изучаться проблемы девиации в родственных отношениях, прежде всего инцест и детоубийство.

Расширение проблематики исторических исследований, посвященных семейно-родственным отношениям, во многом сделалось возможным благодаря расширению круга привлекаемых источников. К правовым и юридическим документам добавились агиографические и литературные произведения, исторические сочинения, полиптики, формулярии, данные археологии. Их сведения позволили не только поставить ряд новых вопросов, но и проблематизировать ответы на старые. Так, к 1980-м гг. был пересмотрен тезис о том, что римская и раннесредневековая семьи изначально были расширенными и постепенно трансформировались в нуклеарные. Дискуссионными вновь стали вопросы о детерминированности отношений между родственниками в зависимости от стороны родства (материнской или отцовской), об этапах эволюции счета родства в средневековом обществе и др. В связи с тем, что в настоящее время накоплен огромный объем общей и специальной литературы, посвященной изучению родства в раннесредневековом обществе, критическому анализу этих работ будет посвящена первая глава нашей диссертации.

В данном исследовании автором были также использованы теоретические наработки, сделанные в процессе изучения мемориальных традиций³ и феномена дара⁴ в различные

³ См.: Арнаутова Ю.Е. *Memoria: «тотальный социальный феномен» и объект исследования* // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 19–37; она же. *Формы идентичности в memoria социальных групп* // Социальная идентичность средневекового человека. М., 2007. С. 70–87; она же. *Культура воспоминания и история памяти* // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 47–55; Мельникова Е.А. *Историческая память в германской восточной традиции* // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 180–222; Репина Л.П. *Историческая культура Европы до начала Нового времени* // Там же. С. 732–739; Эксле О.Г. *Memoria Вельфов: домовая традиция аристократических родов и критерии ее изучения* // Там же. С. 308–338; он же. *Memoria и мемориальная традиция в раннее Средневековье* // Эксле О.Г. *Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья*. М., 2007. С. 233–269.

⁴ Мосс М. *Опыт о даре* // Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисловие, вступит. статья, комментарии А.Б. Гофмана. М., 2011. Лэвис Н. *Лары, рынок и исторические перемены: Франция, век XVI* // Одиссей. Человек в истории. М., 1994. С.193–203; Björk R.E. *Speech as Gift in Beowulf* // *Speculum*. Vol. 69. 1994. No. 4. P. 993–1022; Cihra Fl. *Merovingian and Carolingian Gift Giving* // *Speculum*. Vol. 81. 2006. No. 3. P. 671–699; Damen M. *Gift Exchange at the Court of Charles the Bold* // *In but not of the Market: Movable Goods in Late Medieval and Early Modern Urban Society*. Brussel, 2007. P. 81–89; White

исторические эпохи, хотя специальные работы, посвященные этим аспектам в отношениях между родственниками на сегодняшний день, отсутствуют.

Изучение родства в рассматриваемых нами сообществах (в королевствах франков, англосаксов и лангобардов) началось еще в конце XIX в., однако число посвященных им исследований остается сравнительно немногочисленным. Прежде всего, в них рассматривались самые общие вопросы, связанные с родственными отношениями — виды родственных групп, преобладающий тип семьи, функции и правовое положение родственников, взаимоотношение институтов родства и власти. При этом, в качестве основных источников в них привлекались правовые и юридические документы, что препятствовало воссозданию полноценной картины отношений между родственниками в данных обществах.

Несколько более подробно проблематика родственных отношений изучена на материале меровингской Галлии. С. Вэмпл, К. Дрю, Р. Ле Жан и И. Реаль. Р. Ле Жан на основе изучения различных источников, пришли к выводам о том, что родство у франков было когнатическим, основной родственной группой являлась семья, которую активно поддерживала королевская власть, намеренно ослаблявшая большие родственные группы, с целью укрепления своих позиций в обществе. С. Вэмпл, К. Дрю отмечали, что женщины во франкском королевстве обладали большей свободой, чем женщины в других раннесредневековых варварских королевствах. Важное место в исследованиях Р. Ле Жан и И. Реаль занял анализ терминов родства, встречающихся в источниках. Последняя также одной из первых делает попытку определить какие чувства связывали родственников, реконструировать отношения между ними, в частности те, которые не регулировались нормами права, выделяет гендерные особенности их взаимоотношений. Кроме того, она обратила внимание на особенности изображения родственных отношений в зависимости от жанровой принадлежности источника (исторический нарратив, агиографическое сочинение, правовые и юридические документы).

С рассмотрения схожих проблем началось изучение родства у англосаксов. Э. Янг, анализирувавший положение и функции родственников с точки зрения англосаксонского права, и Л. Ланкастер, изучавшая терминов родства в англосаксонском языке, а также Г. Лойон пришли к выводам о том, что родство у их было когнатическим, а круг родственников, с которым индивид поддерживал отношения, не был ограничен каким-либо образом, а зависел от обстоятельств его жизни (места проживания, занятий, мобильности,

St.D. Custom, Kinship, and Gifts to Saints. The *Laudatio Parentum* in Western France, 1050–1150. Chapel Hill, 2011; Fouracre P.J. The Use of the Term *beneficium* in Frankish Sources. A Society Based on Favors? // The Languages of Gift in the Early Middle Ages. Cambridge. 2014. P. 62–88; Wickham Ch. Compulsory Gift Exchange in Lombard Italy, 650–1150 // Ibid. P. 193–216; Wood I.N. The Gifts of Wearmouth and Jarrow // Ibid. P. 89–115.

положения в обществе и богатства). Преобладающей формой семейной организации являлась нуклеарная семья, члены которой в основном и составляли круг общения человека. С этой точкой зрения был не согласен Т. Чарльз-Эдвардс, который считал, что в англосаксонском обществе существовали агнатные патрилокальные линджды, совместно владевшие земельной собственностью. Э. Вэрхом высказал предположение, что усиление агнатного принципа у англосаксов начинает наблюдаться только с X в.

К схожим выводам пришли и исследователи отношений родства у лангобардов. Г. Аусенда и К. Дрю считают, что родство у них также было когнатическим, однако он отмечает различия в отношениях с родственниками со стороны отца и матери. Основной родственной группой, подобно сообществам в королевствах франков и лангобардов, являлась нуклеарная семья, состоявшая преимущественно из детей и их родителей. Положение женщины у лангобардов было более зависимым, чем, например, во франкском обществе.

Отдельному рассмотрению подверглись вопросы восприятия детей и девства в мерovingской Галлии и англосаксонских королевствах. Э. Джеймс, Э.М. Куфлер и С. Кроуфорд пришли к выводу, что детство в них воспринималось как особый период жизни (даже идеализируемый до некоторой степени), а к детям относились иначе, чем к взрослым членам общества, родители любили и заботились о них.

Э. Саутон и Р. Бальдзаретти изучали восприятие отцовства во франкском и лангобардском обществах, М. Докрей-Миллер — материнства у англосаксов, И. Реаль и О. Шервиниак рассматривали отношения сиблингов среди франков и англосаксов, Б. Юссен и Дж. Линч — институты крестного родительства, восприемничества и усыновления во франкском и англосаксонском обществах.

Большое значение для изучения родства и родственных имел анализ терминов, которыми обозначались степени родства. В первых исследованиях, преимущественно проводившихся лингвистами, основное внимание уделялось этимологии этих терминов и попыткам восстановлению прото-германских и прото-индоевропейских терминов родства. У. Уоллис, У. Леманн, Г. Пфедфер и Р. Паркин на основе анализа терминов родства пытались определить существовала ли у германцев матрилинейность и, если да, то когда произошел переход к когнатическому родству. У. Уоллис, рассматривая греческие, римские и германские термины родства, также искал ответ на вопрос отражало ли различие в них по сторонам родства реальную ситуацию с распределением ролей в родственном коллективе. Л. Ланкастер исследовала англосаксонские термины родства с точки зрения их семантики. Предпринятый терминологический анализ позволил ей сделать предположение о господствующем типе семьи у англосаксов.

А. Герро-Жалабер и на разнообразном источниковом материале рассмотрела изменения в функционировании и изменение значения таких латинских терминов родства как *affinitas*, *cognatio*, *consanguinitas*, *parentela*, *propinquitat*, *proximitas*. В. Джонс предпринял масштабное исследование системы германских терминов родства и проследил изменения в их значении и способах формирования на протяжении всего периода Средневековья.

Новое направление анализа терминологии родства предложили Э. Спольски и Г. Бартэлт. Они продемонстрировали важность изучения семантики и синонимии слов, передающих отношения родства не только для более глубокого понимания родства и родственных отношений, но и для изучения картины мира авторов нарративов различной жанровой принадлежности, определения их целей и аудитории.

Таким образом, анализ современной историографии позволяет выявить следующие актуальные проблемы в исследованиях родства в исторических сообществах: 1) незначительное количество работ, в которых рассматривались бы те или иные вопросы, связанные с отношениями родства в раннесредневековых сообществах; 2) необходимость расширения источниковой базы исследования за счет привлечения источников различной жанровой принадлежности помимо правовых и юридических документов; 3) потребность в сравнительных исследованиях представлений о родстве, которые нашли свое отражение в источниках различной жанровой принадлежности; 4) необходимость использования новых методов и методик анализа источников, привлечение методов других научных дисциплин для анализа исторических нарративов (антропологии, лингвистики, социологии и т.д.).

Методологическая основа исследования. Стремясь к максимальной объективности при проведении исторического исследования, автор руководствовался *принципами историзма и системности*. В соответствии с принципом историзма мы рассматриваем родство и родственные отношения на протяжении конкретного исторического периода и пытаемся выявить особенности его восприятия Григорием Турским, Бедой Достопочтенным и Павлом Диаконом в контексте присущих этим писателям социокультурных установок и ценностей. В соответствии с принципом системности, отношения родства исследуются нами с учетом функциональной взаимосвязи между различными их элементами, а также сложного характера опосредованности систем родства внешними факторами. Еще одним методологическим ориентиром для нашей работы выступила идея *междисциплинарного синтеза*, предполагающая использование исследовательских методик, разработанных представителями иных наук — в первую очередь, разумеется, социальных и гуманитарных (лингвистики, социологии, культурологии).

Определяя объект, предмет, цели и задачи исследования, мы опирались на исследовательские подходы, разработанные в рамках таких современных направлений научного поиска как упомянутые выше *история эмоций* и *историческая семантика*, *историческая антропология*, *новая социальная история* и *история идей*. Историческая антропология ориентирована на систематическое использование применительно к высоким культурам прошлого того проблемного вопросника, который был выработан этнологами, социальными и культурными антропологами в рамках изучения архаичных и традиционных сообществ и самых разнообразных социальных практик, подкреплявших эти сообщества⁵. В контексте новой социальной истории важнейшим для нашей диссертации значением обладает такая субдисциплина как «история семьи», которую интересуют не только демографические, правовые и экономические аспекты семейных отношений, но и более фундаментальные структуры (системы родства, половозрастные группы, отношения между полами и т.д.), влияющие на жизнь отдельных семей, а также психологические компоненты родственных отношений (включая поведенческие нормы и т.н. «режимы эмоциональности» внутри или за пределами семейных коллективов)⁶. История идей позволяет изучать формирование и изменение различных социальных концептов, а также анализировать интеллектуальные клише или *топосы* — мотивы и сюжеты, повторяющиеся в нескольких исторических источниках (в том числе и применительно к освещению родства)⁷.

Наработки перечисленных подходов использовались нами в целях комплексной реконструкции культурных предпочтений авторов раннесредневековых текстов за счет поиска в этих текстах высказываний, позволяющих дополнительно тематизировать те или иные стороны авторской интерпретации родства и родственных отношений, а также смежных социальных связей и практик. Отметим и то, что акцент на комплексном исследовании нормы и девиаций в отношениях между родственниками тесно связан с такими категориями как «стиль» / «образ» жизни, обращение к которым невозможно без использования концептуального инструментария т.н. *истории повседневности*⁸. Родственные связи были неотъемлемой частью повседневной жизни раннесредневекового

⁵ См. Уваров П.Ю., Трубникова Н.В. Школа «Анналов» и историческая антропология // Теория и методология истории. Волгоград, 2014. С. 263. Кром М.М. Историческая антропология. СПб., 2010; История ментальностей, историческая антропология. М., 1996; История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков. СПб., 2006; Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. С. 64–91.

⁶ Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990. С. 167–181; она же. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009.

⁷ Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М., 2001; История идей как методология гуманитарных исследований. Философский век. Альманах. Вып. 17–18. СПб., 2001; Шамшури В.И. История идей и историческое сознание: Р.Дж. Коллингвуд и его последователи // Вопросы философии. 1986. № 5. С. 127–136.

⁸ См. Уваров П.Ю., Трубникова Н.В. Указ. соч. С. 312; Корчинский А.В. Историческая семантика / (История понятий) // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Изд. 2-е. М., 2016. С. 174.

человека, течение которой зачастую фиксировалось именно за счет указаний на метаморфозы семейного положения тех или иных индивидов, поэтому изучение родства теснейшим образом соотносится с исследовательским вопросником, сформированным историками повседневности.

Опора на указанные выше принципы и подходы способствовала использованию в нашей работе самых разных исследовательских методов — как общенаучных (анализа, синтеза, типологии и классификации), так и свойственных, преимущественно, современному социогуманитарному познанию (лексико-терминологического и контекстуального анализа, сравнительно-исторического метода, историко-биографического метода). Метод лексико-терминологического анализа был использован в целях изучения системы терминов родства, нашедшей отражение в выбранных нами источниках исследования. Метод историко-филологического (контекстуального) анализа применялся нами для выявления коннотаций, «неявных смыслов» (подтекстов) во фрагментах повествования, связанных с родством. Сравнительно-исторический метод использовался при изучении восприятия отношений между родственниками и ситуаций, связанных с переживанием родства, в текстах авторов, которые жили в различных исторических условиях. Историко-биографический метод способствовал определению той степени, в которой обстоятельства жизни каждого из рассматриваемых авторов влияли на восприятие им родственных отношений. В диссертации использовались также традиционные методы исторического источниковедения, соотносимые с различными техниками т.н. внешней и внутренней критики исследуемых текстов.

Положения, выносимые на защиту:

1. В исследованных нами источниках, несмотря на достаточно большое количество терминов и передаваемых ими степеней родства, наиболее часто встречаются те, которые относятся к членам нуклеарной семьи. В связи с этим можно говорить о том, что для всех трех авторов (а, скорее всего, и для представителей их социального слоя в целом) центром родственных отношений являлась именно эта родственная группа. Термины, обозначающие отношения в ее рамках, имели у наших авторов дополнительные коннотации, которые были связаны со степенями родства, передаваемыми ими (общие коннотации отмечаются у всех терминов, передающих одну степень родства).

2. Использование авторами тех или иных терминов родства связано с особенностями восприятия ими системы родственных отношений в рассматриваемых сообществах. Это касается, прежде всего, явления латеральности (учета стороны родства), которая, судя по тексту «Истории франков» утратила свое значение в галло-римском обществе, но сохранила его в сообществе франков, а также, судя по «Церковной истории»

и «Истории лангобардов», у англосаксов и лангобардов. В связи с этим, рассказывая о родстве среди франков, Григорий Турский пытается отразить латеральность, чего не делает для галло-римлян. То же самое можно сказать и о понятии законно/незаконнорожденности. В целом, анализ «Истории франков» позволяет заключить, что Григорий Турский воспринимает родство с точки зрения линейного типа системы родства, а Беда Достопочтенный и Павел Диакон — бифуркативно-линейного типа.

3. В восприятии наших авторов основной родственных отношения являлась бессрочная безусловная эмоциональная привязанность, интенсивность, время, место и способы выражения которой в их интерпретации зависели не только от степени родства, но и от существующих в обществе норм.

4. Важную роль в переживании родства в восприятии наших авторов играло понятие долга, отдельные составляющие которого распространялись на тех или иных родственников в зависимости от степени родства. При этом, в случае невозможности исполнения человеком своего родственного долга (в силу смерти, болезни, отсутствия или других причин), его мог брать на себя более дальний родственник, занимавший место этого человека в группе ближайших родственников *Эго*⁹. Такое «перераспределение» родственных отношений могло осуществляться как добровольно, так и в условиях принуждения со стороны других членов сообщества.

5. Большое значение в конституировании родственного коллектива для наших авторов играли различные коммеморативные практики, включавшие в себя составление генеалогий, имянаречение, кровную месть, традиции и ритуалы, связанные с обрядом похорон и посмертного поминовения. Как и в случае с терминологией, изучение мемориальной традиции показало, что в представлениях наших авторов, она связывала, прежде всего, членов нуклеарной семьи не далее третьего колена, хотя в среде аристократии, практики памятования могли привлекать и более дальних родственников.

6. По мнению наших авторов, важную роль в родственных отношениях знати играл и обмен дарами, который был одним из средств актуализации и укрепления родственных связей в условиях политической нестабильности, обеспечения верности союзническим отношениям.

7. Наши авторы демонстрируют неоднозначное восприятие девиаций в отношениях между родственниками. Хотя, на первый взгляд, круг поступков, относящихся к таковым, имеет довольно четкие контуры (убийства, распри, инцест и ряд других), отношение к отклоняющемуся от нормы поведению со стороны авторов в каждом конкретном случае

⁹ Под *Эго* в настоящем исследовании имеется ввиду субъект родственных отношений, выступающий в качестве отправной точки родственной связи или центра родственной группы.

может зависеть от его обстоятельств, и служит средством манифестации отношения автора к своим героям.

8. Родственный коллектив в целом играл большую роль в жизни индивида. Отношения внутри коллектива родственников выстраивались, в первую очередь, на основе долга. Именно родственные связи человека и его статус в коллективе родственников определяли его положение в сообществе. Хотя случаи взаимодействия отдельных родственников в наших источниках описываются чаще, чем отношения человека с родственным коллективом в целом, отсутствие последнего осознается в качестве серьезной проблемы.

9. Сравнительный анализ наших источников отражает растущую роль т. н. квазиродственных отношений в рамках христианской церкви. Хотя моделью для этих связей служат кровнородственные отношения, во всех рассматриваемых «Историях» именно «духовное родство» обретает черты идеала, которому необходимо подражать в мирской жизни.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной и зарубежной историографии предпринимается попытка развернутого сравнительного исследования репрезентаций несколькими раннесредневековыми авторами институтов родства и отношений между родственниками, определяется значение и специфика эпизодов, связанных с описанием родства, в важнейших исторических нарративах, дошедших от эпохи Раннего Средневековья. Хотя рассматриваемые нами источники неоднократно использовались исследователями для изучения различных сторон жизни раннесредневекового общества, задачи, решаемые нами при их изучении, до сих пор не артикулировались историками, не осуществлялся и сравнительный анализ сведений Григория Турского, Беды Достопочтенного и Павла Диакона в предложенном нами ключе.

Таким образом, в данной работе впервые:

1. Осуществляется комплексный анализ историографии по вопросам родства и родственных отношений в периоды Поздней Античности и Раннего Средневековья, характеризуются основные направления, проблематика и перспективные вопросы исторического исследования родства на этапе глубокой трансформации европейской культуры;

2. Производится выявление и анализ терминов родства в «Истории франков», «Церковной истории народа англосаксов» и «Истории лангобардов», воссоздается система терминов родства, отразившаяся в этих памятниках исторической мысли, исследуются возможные дополнительные значения терминов родства и особенности их использования авторами трех «Историй»;

3. Определяется специфика репрезентаций родства Григорием Турским, Бедой Достопочтенным и Павлом Диаконом, влияние на нее конкретных обстоятельств жизни трех церковных писателей Раннего Средневековья. Рассматривается использование сюжетов, связанных с родством в рамках нарративных стратегий, применяемых авторами данных источников;

4. Изучается восприятие норм / девиаций в родственных отношениях, осуществляется поиск причин, по которым то или иное поведение воспринимается нашими авторами как девиация, предпринимается попытка сопоставить взгляды трех писателей на девиантное поведение родственников с отношением к этому поведению иных представителей описываемых сообществ;

5. Анализируется связь переживания родства с мемориальными практиками и дарообменом, нашедшими отражение в текстах трех памятников историописания;

6. Исследуется восприятие раннесредневековыми авторами квазиродственных связей в рамках церковной повседневности — связей между церковными служителями (епископами и клиром, монахами и монахинями в монастыре), между прихожанами в условиях духовного родительства, между христианскими святыми и верующими.

Практическая значимость работы. Материалы и результаты данного исследования могут использоваться в дальнейших научных исследованиях как по смежной тематике, так и по более широкому кругу проблем, связанных с изучением истории позднеантичного и раннесредневекового обществ, их социальных и культурных компонентов, интеллектуальной истории, а также при сравнительном анализе данных, связанных с родственными отношениями в более ранние или более поздние периоды европейского прошлого. Материалы и выводы, представленные в данной работе, могут использоваться при разработке курсов лекций, спецкурсов и спецсеминаров, учебников и учебных пособий по истории Раннего Средневековья, источниковедению и историографии, культурной антропологии, исторической социологии и демографии.

Апробация результатов исследования. По теме диссертации опубликовано 12 работ, в том числе — 4 в изданиях из Перечня ВАК РФ, 1 — в журнале, индексируемом международными базами научного цитирования ISI (Web of Science) и Scopus.

Материалы, положенные в основу диссертационного исследования, были апробированы в рамках нескольких конференций и круглых столов в ИМОИ Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (2014-2018 гг.); на международной конференции «Пространства истории и истории пространств: метаморфозы восприятия, присвоение, созидание» (Нижний Новгород, 2018 г.); на VI–VII конференциях «VITA MEMORIAE: теория и практики исторических исследований»

(Нижний Новгород, 2018–2019 гг.); XXII научной конференции по антиковедению и медиевистике «Древняя и средневековая Европа: социально-политическое и культурное разнообразие» (Ярославль, 2019 г.); всероссийской научной конференции «Современные методы изучения культуры — XI» (Москва, 2019); XIII Конгрессе антропологов и этнологов России (г. Казань, 2019 г.); семинарах «Способы и функции репрезентации родства в средневековых текстах» (г. Нижний Новгород, 2019–2020 гг.); VII Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых «Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура» (г. Ижевск, 2019 г.); международных Дьяковских чтениях (г. Москва, 2019 г.). Результаты выступлений отражены в серии научных публикаций автора.

Структура диссертации определяется сформулированными выше исследовательскими задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы. В качестве отдельного тома помещаются приложения, наглядно иллюстрирующие выводы данного исследования.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы исследования, определяется его объект, предмет, цель, задачи, хронологические и географические рамки, анализируется источниковая база и степень изученности проблемы, освещаются методологические основы исследования, его научная новизна и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту, охарактеризована структура диссертации.

Глава 1 «Основные направления и проблемы изучения родства в традиционных обществах Античности и Средневековья» состоит из пяти параграфов и призвана дать общее представление об историографии проблем, связанных с изучением родства в Западной Европе в период Античности и раннего Средневековья.

В параграфе 1.1 *«Изучение родства в высоких культурах древности: ключевые проблемы и направления исследований»* на основе анализа историографии выявляются основные направления изучения родства в некоторых сообществах Древнего мира. В первых исследованиях, посвящённых родству, которые появились во второй половине XIX в., в качестве основных вопросов рассматривались характер и этапы развития семейно-родственных и брачных коллективов, а проблемы их возникновения и степени соотношения с родственными группами современности. Уже среди первых исследователей возник спор о том, развивались ли родственные коллективы эволюционно (племя — род/клан — семья),

или же их изначальная форма (т.е. семья) не претерпела значительных изменений с течением времени. Также дискуссионным остается вопрос о матриархате, как изначальной форме социальной организации первобытного общества, и самой сущности этой формы (власть женщин, матрилокальность, материнский счет родства), причинах ее возникновения и перехода к патриархату. Также большое количество споров вызвало попытки определить эндо- или экзогамный характер имели семейные коллективы.

В этом же параграфе более детально рассматривается историография по основным направлениям изучения родства в Древнем Риме, поскольку его цивилизация оказала большое влияние на формирование института родства в Западной Европе. Проблематика родства в обществе Древнего Рима начала активно изучаться с середины XX в. Только начиная с 1960–х гг. появляются исследования, рассматривающие особенностей семьи в разные периоды римской истории, семьи различной классовой принадлежности или различные аспекты семейных и родственных отношений. Основным дискуссионным вопросом до сих пор остается вопрос о характере римской семьи: была ли она расширенной или нуклеарной? В 1980-х гг. Р. Сэллар и Б. Шо в ряде своих исследований попытались опровергнуть господствовавшие до этого времени представления о римской семье как расширенной и патриархальной, с четко определенными ролями родственников со стороны отца и матери. Главным оппонентом американских исследователей стал итальянский ученый М. Беттини, который на основе структуралистского анализа источников доказывал расширенный характер семьи в Древнем Риме, роль каждого члена которой была жестко определена с точки зрения права, морали и традиций. В связи с пересмотром характером римской семьи, возникла дискуссия и об одной из основных ее характеристик — *patria potestas*, которая, по мнению большинства современных ученых, была далеко не такой всеобъемлющей, как представлялось ранее. С середины 1980-х гг. предпринимаются попытки изучения отношений между и к отдельным членам римской семьи: Дж. Халлетт рассматривала взаимоотношения дочерей и отцов, С. Диксон — положение матерей, Р. Сэллар — положение отцов, С. Бэннон — отношения между братьями. Внимание исследователей привлекли римские мачехи в силу их негативного образа, сложившегося в культуре, а также пожилые члены семьи. Особое внимание стало уделяться и изучению детей и детства в Древнем Риме. Б. Росон, К. Бредли, С. Диксон и другие ученые пришли к выводу о том, что детство рассматривалось как особый период в жизни человека, а дети были желанными и ценными членами общества.

В параграфе 1.2 «Вопросы влияния христианства на опыт переживания родства в позднеантичный и раннесредневековые периоды» рассматриваются основные направления исследований, посвященных тем изменениям, которые внесло христианство в жизнь

позднеантичной семьи на территории Римской империи. Большинство исследователей сходятся во мнении, что христианство и распространение его идей в период поздней Античности не оказало значительного влияния на состав, образ жизни и взаимоотношения членов семьи. Идеи отказа от родства, целибата и аскетизма имели ограниченную популярность и преобладали, скорее, в сфере христианской риторики, а не в повседневной жизни. В пользу этого, в частности, может свидетельствовать активное использование метафоры родства в раннехристианском дискурсе. Причиной столь незначительного влияния идей христианства на отношения родства может быть отсутствие единой позиции по связанным с ним вопросам среди самих раннехристианских теологов, а также с условиями жизни общества Римской империи в указанный период. Наибольшее влияние христианство оказало на положение детей и женщин, которые на непродолжительное время превратились в равноправных членов общества, играющих активную роль в его распространении и отправлении культа.

Параграф 1.3 *«Основные направления исследований по истории семьи и родства на средневековом Западе»* посвящен анализу трудов, посвященных семейно-брачным отношениям в период Средневековья. Первоначально институт родства в этот период обратил на себя внимание ученых в связи с попытками реконструкции социальных структур общества древних германцев. В связи с этим исследователями также ставился вопрос о времени и причинах перехода от расширенной к нуклеарной семье в Западной Европе в период Средних веков. Ни одна из этих проблем на сегодняшний день не имеет однозначного решения. Спорным остается и вопрос о роли и месте женщины в средневековой семье, на который подчас предлагаются диаметрально противоположные ответы. Большое внимание исследователей привлекли проблемы развития взглядов на христианский брак, утверждение его норм в мирской среде (закрепление моногамии, запрет разводов и внебрачного сожительства, добровольность брака, запрет на близкородственные браки, концепция законно-/незаконнорожденности и т.д.). Кроме того, значительное количество работ было посвящено изучению причин, целей, методов, средств и последствий установления контроля христианской церкви над институтом брака (брачные стратегии, влияние на социальную структуру общества, вопросы наследования и формирования элит). Влияние на институт родства в средневековой Европе оказало становление квазиродственных связей в рамках церковной организации, которые, к сожалению, пока недостаточно изучены. Другим направлением исследования средневековой семьи стало рассмотрение отношений между ее членами. В связи с этим поднимались, прежде всего, вопросы восприятия детей и детства. Большую популярность в последнее время приобрели исследования, посвященные переживаниям состояния в

отдельных степенях родства (*отцовства и материнства*), а также отношений между членами семьи (*мужем и женой, братьями и сестрами*, между детьми женщины, особенно *сыновьями*, и ее *братом* и др.). Общим для них является тезис о наличии эмоциональной привязанности между родственниками различных степеней. Однако, в целом эти вопросы (кроме восприятия детства) изучены недостаточно полно (исследования касаются отдельных обществ в отдельные исторические периоды, что затрудняет формирование общей картины отношений родства). Тем не менее, несмотря на значительное число работ, посвящённых природе родства и его восприятию в период Средневековья, и привлечению большого числа источников (от археологии до изобразительного искусства) многие аспекты этих сюжетов остаются дискуссионными и малоизученными. Кроме вышеуказанных вопросов большое значение для формирования целостного представления о переживании родства в период Античности и Средних веков имеют отклонения в родственных отношениях, прежде всего инцеста и детоубийства.

В параграфе 1.4 *«Проблема норм и девиаций в сфере семейно-родственных отношений: анализ ситуаций детоубийства и инцестуальных связей в Античности и Средневековье»* рассматриваются наиболее актуальные направления исследования девиаций в сфере родственных отношений в период Античности и Средних веков – инцест и детоубийство. Среди наиболее дискуссионных можно отметить проблему определения сути инцеста и причин запрета на него, а также уточнения круга родственников брачные/сексуальные отношения с которыми табуировались. Активные споры между исследователями идут о существовании близкородственных браков в римском Египте и причинах их распространения. Для Средневекового общества одним из центральных остается вопрос о причинах расширения круга лиц, брачные и сексуальные отношения с которыми попадали в категорию инцеста (стремление церкви установить более строгий контроль над жизнью и имуществом верующих, утвердить экзогамию в эндогамных германских обществах, защитить мир и покой в семье и среди родственников или контролировать сексуальность прихожан). Исследователи также связывают антиинцестное законодательство с изменениями в монастырской культуре (рост количества женских монастырей, превращение их в центры образования и политического влияния, а их обитательниц — в хранительниц родовой памяти) и социальной структуре (расширение круга нобилитета и географии его семейных связей). Изучение отражения инцеста в литературе, позволило сделать выводы о противоречиях в его восприятии законодателями и обществом.

В параграфе 1.5. *«Исследования по истории семьи и родства в обществах франков, англосаксов и лангобардов»* внимание уделяется рассмотрению трудов, посвященных изучению системы родства и родственных отношений в королевствах франков, англосаксов

и лангобардов в период раннего Средневековья. Большинство исследователей сходятся во мнении, что хотя во все трех обществах существовали большие родственные группы (кланы, роды), основой социальной организации оставалась вирилокальная нуклеарная семья, состоящая из супружеской пары и их детей. Родство было когнатическим, однако к X в. во всех трех обществах отмечается переход к агнатному принципу. Роль дальних родственников (4 колена и далее) в жизни Эго была минимальна, хотя и оговаривалась в законодательстве. Функции родственников Эго в этих обществах также похожи (выплата и получение вергельда, кровная месть, опека и защита и т.д.). Индивид сам выбирал с кем из родственников поддерживать отношения. На его выбор, кроме личных предпочтений, могла влиять демографическая ситуация (например, низкая продолжительность жизни приводила к тому, что мужчины и женщины редко доживали до появления у них внуков), географические особенности расселения, социальная и политическая ситуация. Положение женщин, на первый взгляд различное, судя по правовым источникам, также обнаружило значительное сходство при изучении исторических и агиографических сочинений (в частности, в положении вдов и их права на опеку над детьми). Много общего имели и брачные обряды во всех трех обществах. Однако отдельные аспекты родственных отношений (положение и роль детей в обществе, восприятие материнства и отцовства, отношения сиблингов, а также роль дядьев и теток в жизни семьи и более дальних родственников), на наш взгляд, до сих пор исследованы недостаточно подробно.

Изучение терминологического аспекта родственных отношений преимущественно сосредотачивалось на рассмотрении буквальных значений терминов родства безотносительно к их дополнительной семантической специфике, которая появлялась в тот или иной период времени или у конкретного автора. Однако, как убедительно продемонстрировали Э. Спольски и Г. Бартэлт, изучение дополнительных смысловых значений терминов родства, а также синонимов, которые выбирали для них авторы текстов (как самих слов, так и ситуаций, в которых к ним прибегали) может многое рассказать не только о восприятии авторами родственных отношений и о влиянии на него личных обстоятельств их жизни, но и о переживании родства в обществе в целом.

Глава 2 «Описание родственных связей в «Истории франков» Григория Турского, «Церковной истории народа англосаксов» Беда Достопочтенного и «Истории лангобардов» Павла Диакона: вопросы терминологии» состоит из двух параграфов. Здесь подробно исследуются термины, отражающие отношения кровного родства (по прямой линии в соседних поколениях, через поколение, через два и более поколений, через несколько поколений, кровное не прямое родство в одном поколении и в соседних поколениях). Выявляются особенности употребления терминов и их дополнительные

коннотации, формулируются гипотезы относительно специфики систем терминов родства, нашедших отражение в анализируемых текстах.

В параграфах 2.1 «*Кровное родство по прямой линии*» и 2.2 «*Кровное не прямое родство*» рассматриваются слова, маркирующие в исторических нарративах Григория Турского, Беда Достопочтенного, Павла Диакона степени прямого и непрямого кровного родства, относящиеся к различным поколениям. В результате анализа текстов «Истории франков», «Церковной истории народа англосаксов» и «Истории лангобардов» в них было выявлено 42 термина, обозначающих 25 степеней родства. Необходимо отметить, что источники содержат разное их количество. Некоторые термины обозначают сразу несколько степеней родства, хотя среди них, как правило, можно выделить основное значение, которое может отличаться для каждого из авторов. Некоторые термины родства демонстрируют у рассматриваемых авторов особые коннотации сформировавшиеся, вероятно, под влиянием окружающей их действительности. Данные семантические особенности также могли варьироваться от нарратива к нарративу.

В качестве особенностей использования латинских терминов при описании родственных отношений в период раннего Средневековья нами были отмечены:

- изменения основного значения у ряда терминов;
- утрата терминами некоторых значений;
- появление у них новых значений;
- появление новых терминов под влиянием изменений, происходивших в системе родственных отношений, по сравнению с классической латынью.

Некоторые термины — *pater, mater, filius, filia, frater, soror* — стали обозначать не только кровное, но и искусственное родство в рамках христианской церкви. При этом, в некоторых случаях они чаще используются для обозначения квазиродственных отношений

Также было выявлено преобладание в текстах «Историй» элементарных терминов: наиболее часто встречаются такие из них как *filius, pater, frater, filia, mater, parentes, soror*. Составные термины родства (например, *patruus, avunculus, abavus, atavus, proavus*) встречаются достаточно редко, также, как и описательные. Среди последних преобладает степень родства *племянник*. Кроме того, анализ описательных терминов родства и особенностей их употребления позволяет говорить о том, что Беда Достопочтенный и Павел Диакон придавали определенное значение стороне родства при передаче родственных отношений. Последний факт может рассматриваться как свидетельство в пользу существования элементов латеральности в системах родства англосаксов и лангобардов. Вероятно, латеральность сохраняла свое значение и в системе родства франков, поскольку Григорий Турский стремится отразить ее, когда речь заходит о

родственных отношениях представителей этого сообщества. Кроме того, необходимо отметить, что термины родства, используемые для обозначения групп родственников, таких как *родители, дети, предки, потомки*, встречаются значительно реже, чем термины для родственников-индивидов (*сын, отец, брат, мать* и т.д.).

Судя по встречающимся в «Историях» терминам в целом счет родства производился не далее третьего колена. Хотя в текстах встречаются такие степени родства как *прадед* и *прапрадед*, их использование единично, они встречаются только в генеалогических отрывках. Широта родственных связей, по всей видимости, ограничивалась третьей степенью родства. Даже двоюродные братья и сестры редко взаимодействуют на страницах наших источников.

Значительных особенностей гендерного функционирования терминов отмечено не было. Родственники-мужчины, упоминаются чаще женщин, это же касается и взаимодействий с персонажами, в которые они вовлечены (даже женщины чаще взаимодействуют с мужчинами родственниками, чем с женщинами). Однако это может быть объяснено характером источников, которые, в основном, повествуют о политических событиях.

Для передачи большей части степеней родства (за исключением *сын* и *дочь*), в наших «Источниках» используется несколько терминов, среди которых, как правило, можно выделить основной термин и его синонимы. Последние часто сохраняют коннотации основных терминов. Вероятно, что эти коннотации были свойственны, в первую очередь, самим степеням родства и отражались в терминах, их обозначающих. Кроме того, между основным термином и его синонимом в ряде случаев можно отметить семантические отличия. С другой стороны, в случае с некоторыми терминами, передающими родство с группой людей (*родители, дети, предки, потомки*) бывает сложно выделить основной термин и его синонимы, поскольку, судя по нашим источникам, существовали определенные нюансы в их употреблении. Для уточнения их значения необходимо расширение источниковой базы исследования.

Основным родственным коллективом, с которым поддерживал отношение Эго, в восприятии наших авторов, является, прежде всего, нуклеарная семья — *отец/мать, братья/сестры, сыновья/дочери*. Кроме того, достаточно часто фиксируются взаимодействия *дядя-племянник*. Родственники остальных степеней родства, как по прямым (дедушки/бабушки, прадедушки, внуки/внучки, правнуки и т.д.), так и по боковым линиям (дядя/тетки, двоюродные братья/сестры, двоюродные дядя/тетки), упоминаются достаточно редко. На наш взгляд, это может объясняться, низкой продолжительностью жизни в рассматриваемых обществах. Судя по текстам «Историй» последнее

обстоятельство также являлось главной причиной более активного взаимодействия дядьев и племянников: они фактически занимали место и брали на себя функции умерших отцов/сыновей Эго. Таким образом, их участие в жизни друг друга было не самоценно, а определялось необходимостью замещения отсутствующего члена нуклеарной семьи.

Что касается модели восприятия родства, нашедшей свое отражение в источниках, то можно отметить определенную разницу в нем у Григория Турского, с одной стороны, и Беда Достопочтенного и Павла Диакона, с другой. В целом, анализ «Истории франков» позволяет заключить, что Григорий Турский воспринимает родство с точки зрения линейного типа системы родства, а Беда Достопочтенный и Павел Диакон — бифуркативно-линейного типа. С другой стороны, турецкий епископ, по всей видимости, осознает разницу в системах родства галло-римлян и франков, что находит свое отражение в «Истории франков» (например, указание стороны родства в прямой речи героев-германцев, использовании специальных вокативных терминов при обращении к родственникам и т.д.). Беда Достопочтенный, судя по тексту «Церковной истории», придавал большее значение квазиродственным связям в рамках христианской церкви, чем кровному родству. Моделью для отношений фиктивного родства в данном случае выступала линейная система родства, сложившаяся у римлян в период поздней Античности. Однако при описании кровнородственных отношений своих героев он вольно или невольно передает черты, присущие германской системе родства (латеральность, линейность и счет родства по восходящей линии и т.д.). Родственные связи лангобарды в изображении Павла Диакона также демонстрируют черты свойственной германскому обществу бифуркативно-линейной системы родства, которая, однако, подверглась определенному влиянию системы родства, сложившейся в позднеантичный период. В целом, анализ терминов родства позволяет сделать вывод, что в рассматриваемых нами источниках представлена переходная модель восприятия родства, основанная на разных уровнях синтеза германского, римско-античного и христианского компонентов.

Глава 3 «Опыт реконструкции раннесредневекового восприятия родства на основе исторических повествований Григория Турского, Беда Достопочтенного и Павла Диакона» состоит из 3 параграфов.

В параграфе 3.1 *«Переживание индивидуальных родственных связей»* рассматриваются различные аспекты переживания индивидом родственных связей с членами его родственного коллектива. Изучение текстов «Истории франков», «Церковной истории народа англосаксов» и «Истории лангобардов» показало, что Григорий Турский, Беда Достопочтенный и Павел Диакон рассматривали родственные отношения как основанные на бессрочной безусловной эмоциональной привязанности, интенсивность, время, место и

способы выражения которой определялись существующими в обществе нормами и зависели не только от степени родства, но и от события, с которым были связаны.

Кроме эмоциональной составляющей, важную роль в переживании родства играло такое понятие как долг (*officium*). Наши источники говорят, прежде всего, о родительском долге. Главной задачей родителей было обеспечение выживания ребенка. В связи с отношениями родителей и детей наши авторы также упоминают «отеческую заботу». Представляется вероятным, что под ней понимались действия в пользу детей, выходящие за пределы родительского долга, которые совершались по желанию родителей вне зависимости от возраста детей. Анализ наших источников позволяет с уверенностью говорить, что, в восприятии наших авторов, дети также имели определенные обязательства перед родителями, хотя ни в одной из «Историй» мы не встречаем термина, описывающего их. Нам удалось выявить две его составляющих — это обязанность подчинения/послушания родителям и их почитание. При этом, если исполнение родителями своего долга ограничено по времени, то дети несут свои обязательства перед родителями до смерти последних.

Отношения между сиблингами строились на основе равенства их прав, прежде всего, в вопросе привязанности к ним родителей, и права на наследование их имущества. Напротив, мы не встречаем сведений о каких-либо обязанностях братьев друг перед другом. Единственным исключением можно считать взаимопомощь, однако сведения наших источников не позволяют однозначно охарактеризовать ее как долг. Возможно, важную роль в ее восприятии как обязательной играло наличие реальной опасности для брата. Что касается отношений братьев и сестер, то первые фактически заменяли вторым родителей, перенимая на себя большую часть их обязанностей. Описывая взаимодействия дядьев/теток и племянников, наши источники рисуют различную картину их развития в зависимости от того, принадлежали первые к светской или духовной среде.

В качестве общей для всех кровных родственников обязанности можно отметить кровную месть. Однако нашими авторами она оценивается неоднозначно. Кровную месть осуществляли, как правило, наследники убитого, которые и были его ближайшими родственниками. Главным ее мотивом чаще всего изображаются не чувства к родственнику, а именно соображения долга и престижа рода. В качестве общей тенденции можно отметить стремление авторов создать у читателей впечатление о кровной мести, как обычае, уходящем в прошлое.

Важную роль в переживании родства играло памятование умерших родственников. Рассматриваемые источники позволили выделить такие его формы как генеалогии, организация обряда похорон, кровная месть и именование в честь умершего родственника.

«Генеалогическая» коммеморация, по всей видимости, была характерна для сообществ германцев и предполагала сохранение памяти о родственниках Эго по прямой нисходящей мужской линии. Коммеморативные практики, связанные с похоронами, включали в себя организацию места захоронения, самого обряда и последующих траурных мероприятий. Обычай кровной мести также содержал в себе элемент коммеморации, однако, в изображении наших авторов, осуществлялся не всегда также ревностно как захоронение. Именование в честь умершего родственника позволяло не только воскресить в памяти современников события, связанные с конкретным индивидом в прошлом, но и конституировать единство рода, к которому принадлежал памятуемый и названный его именем родственник.

Большое значение, судя по материалам «Истории франков», имела практика обмена подарками между родственниками. Ее значимость могла объясняться тем, что она давала возможность укрепить выгодные с точки зрения политической ситуации родственные связи, значение которых ослабло под влиянием борьбы за власть и ресурсы.

В качестве еще одного элемента важного для изучения переживания родства выступают отклонения в поведении родственников. Среди девиаций, нашедших свое отражение в рассматриваемых нами источниках, можно отметить инцест, убийство родственников и конфликты между ними. Инцест изображается как однозначно осуждаемый во всех сообществах, не зависимо от обстоятельств его совершения. Убийство родственников также считается отклонением от норм поведения, но в его оценке прослеживается больше нюансов. Кроме того, к девиациям наши авторы относят конфликты между родственниками. Подобное восприятие, по всей видимости, было связано с тем, что в ходе конфликтной ситуации родственники перестают опираться на нормы родства в своих отношениях, что может иметь печальные последствия не только для самих участников ссоры, но и для более широких слоев общества, если ссорящиеся, например, являются королями.

Параграф 3.2 «*Переживание индивидом родственных связей с коллективом и роль коллектива в жизни индивида*» посвящен рассмотрению роли группы родственников в жизни индивида играли. В рассматриваемых произведениях можно выделить несколько их видов, которые образованы по разным основаниям (родственники по крови, родственники по свойству, смешанные группы) и обозначаются у каждого автора определенными терминами (*parentes, propinqui, cognati, consanguinei*). Хотя ни один из них не упоминает об эмоциональной привязанности между Эго и родственными коллективами, но предпочтение им неродственников в любых ситуациях осуждается. Анализ текстов источников позволяет предполагать, что отношения между ними должны были строиться

на взаимном уважении и поддержке, чувстве долга и взаимных обязательствах, а их поведение нормировалось. Само положение индивида в обществе зависело от его родственных связей и возможностей, которые они предоставляют.

В параграф 3.3 *«Переживание квазиродственных связей»* анализируется использование Григорием Турским, Бедой Достопочтенным, Павлом Диаконом терминов, обозначающих кровное родство для передачи отношений между служителями церкви, служителями церкви и мирянами, отношений, основанных на участии в обряде крещения. В основном они с помощью указанных терминов воспроизводят связи между отцом/матерью-сыном/дочерью, между братьями и между сестрами, женихом и невестой. При этом сохраняются основные характеристики отношений между ними в рамках кровного родства (авторитет у отцов, подчиненное положение детей и т.д.), хотя их реализация встречает определенные затруднения в связи с отсутствием механизмов применения мер социального контроля в случае отклонения от норм поведения. На искусственность родства в текстах наших «Историй» указывают эпитеты, которые в большинстве случаев сопровождают термины родства, передающие эти отношения. Авторы «Истории франков», «Церковной истории народа англосаксов» и «Истории лангобардов» стремятся изобразить искусственное родство, как воплощенный идеал родственных отношений, с целью подчеркнуть несовершенство земных/плотских родственных уз и идеальность небесных/духовных. Кроме того, в обществах, где кровные родственные связи играли важнейшую роль в жизни человека, моделирование искусственного родства по образцу кровного помогало оправдывать и смягчать отказ от последнего для тех, кто решил присоединиться к церкви, и делал ее доктрину более близкой и понятной для нехристиан. Наконец, искусственные родственные узы, основанные на обряде крещения, изображаются как играющие важную роль в консолидации духовной и светской элиты общества, утверждения отношений господства/подчинения и дальнейшего распространения христианства.

В **заключении** обобщаются результаты исследования и подводятся его итоги. Анализ историографии, посвященной вопросам брачно-семейных отношений в обществах Античности и Средневековья позволил обнаружить схожую проблематику и тенденции развития, что может рассматриваться в качестве подтверждения значительного влияния, которое трансформация семейно-родственных отношений, прежде всего римской цивилизации, оказала на становление этого социального института в раннесредневековой Европе.

Изучение терминов родства, присутствующих в «Истории франков» Григория Турского, «Церковной истории народа англосаксов» Беды Достопочтенного и «Истории

лангобардов» Павла Диакона выявил ряд особенностей их употребления — и по сравнению с языковыми практиками античного времени, и в соотнесенности исследованных нами памятников друг с другом.

В восприятии наших авторов совокупность родственников, с которыми постоянно взаимодействовал индивид, не отличалась многочисленностью, и вполне могла сводиться к членам малой / нуклеарной семьи, дополнявшейся теми из родичей, кто проживал в относительной близости от нее. Авторы акцентируют ситуации взаимодействия между родственниками-индивидами, а не индивидом и группой, что в целом может свидетельствовать о повышенной роли межличностных отношений. Родство прослеживалось неглубоко, и актуальные родственные узы не распространялись на здравствующих родственников далее двоюродных. Более сложные степени родства в понимании авторов «Историй» не наделены особым репрезентативным потенциалом и указываются лишь в редких случаях.

Более общее понимание феномена родства нашими авторами также имеет ряд характерных черт. В основе отношений кровных родственников лежит «безусловная и бессрочная» привязанность — *caritas*, интенсивность которой, впрочем, на проверку может меняться в зависимости от степени родства и прочих «жизненных обстоятельств». Способы внешнего выражения родственных чувств, судя по изученным текстам, безусловно нормировались социальной средой, но в итоге зависели от множества факторов — в том числе от степени родства персонажей, их статуса в сообществе, формального повода и содержательных особенностей коммуникативной ситуации. Отношения между детьми и родителями во многом концептуализировались при помощи идеи долга. Отношения между однополыми сиблингами строились, скорее, на основе равенства прав, главным среди которых было право на равные доли в наследстве. Взаимодействие между племянниками/цами и дядьями/тетками, как и между однополыми сибсами, судя по свидетельствам источников, строились на основе добровольности. Единственной обязанностью, более или менее общей для широкого круга родственников, была месть за убийство родственника. Переживание родства было тесно связано с практиками поминовения умерших. В трех «Историях» зафиксированы различные способы посмертного памятования: составление генеалогий, организация места погребения умерших (в т. ч. совместных захоронений родственников), заупокойные службы, выбор для детей имени кого-то из покойных родичей и т.д. Важную роль в функционировании родства, вероятно, играли и практики одаривания родственников, хотя соответствующие эпизоды зафиксированы только в «Истории франков» Григория Турского. Дополнительные нюансы восприятия родства нашими авторами позволяет выявить изучение фигурирующих

в их рассказах ситуаций девиантного поведения по отношению к родственникам, к которым относятся, прежде всего, инцест, убийство и ссоры между родственниками.

Что касается взаимоотношений между индивидом и коллективом его родственников, то необходимо отметить, что в «Историях» встречаются несколько терминов, обозначающих родственный коллектив как таковой, употребление которых характеризуется своими особенностями. По всей видимости, в восприятии наших авторов родственный коллектив, как тип общности, не осознавался в качестве субъекта (взаимо)действия, их рассказы в большей степени акцентировали значимость индивидуальных родственных связей.

Ряд концептов, изначально выражавших отношения родства, использовался авторами «Историй» для описания квазиродственных связей, которые формировались и функционировали, главным образом, в лоне христианской церкви. Большинство случаев употребления этих терминов в иносказательном смысле маркируется дополнительными эпитетами, которые не встречаются в случаях фиксации / описания «реального» (кровного) родства. Стереотипы духовной близости, с одной стороны, основывались на идеализированных представлениях о кровных связях между родственниками, но с другой — сами воздействовали на стандарты телесного родства, наделяя последние чертами той бескорыстной любви, которая возможна только среди обретших истинную веру и причастившихся знанию подлинного миропорядка. Важную роль играло и «духовное» родство, оформляемое благодаря таинству крещения. По сути, «духовное» родительство стало одним из способов конституирования качественно новой элиты во франкском королевстве, посредством которого создавался и поддерживался религиозно-политический симбиоз между светскими правителями (потомками воинственных германцев) и иерархами церкви (преимущественно галло-римлянами).

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, включенных в Перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации

1. Вершинина Ю.Е., Маслов А.Н. К вопросу о переживании родственных связей в период раннего Средневековья (на примере концептов *germanus*, *frater* и *fraternitas* в исторических сочинениях Григория Турского, Беда Достопочтенного и Павла Диакона) / Ю.Е. Вершинина, А.Н. Маслов // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. — Нижний Новгород, 2015. — №3. — С.37-49 (1,3 п.л./1 п.л.)
2. Вершинина Ю.Е. Роль переживания родства в конструировании рассказа о себе: родство в «автобиографических» фрагментах нарративов Григория Турского / Ю.Е. Вершинина // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. — Нижний Новгород, 2019. — №6. — С.1-20 (1,2 п.л.)
3. Вершинина Ю.Е., Маслов А.Н. Расставание как испытание чувств: эмоциональный фон рассказов о разлуке с родственниками в сочинениях Григория Турского и Беда Достопочтенного / Ю.Е. Вершинина, А.Н. Маслов // Диалог со временем. М.: ИВИ, 2019. — №4. — С. 90-106 (1,3 п.л./1 п.л.)
4. Вершинина Ю.Е. *Familia* в произведениях Григория Турского: семантические особенности латинского словоупотребления при описании родственных коллективов / Ю.Е. Вершинина // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. — №3. — Нижний Новгород, 2020. — С. 27-34 (0,8 п.л.)

Научные статьи в журналах, научных сборниках и материалах научно-практических конференций

5. Вершинина Ю.Е. Родственные связи англосаксонской знати в отражении «Церковной истории» Беда Достопочтенного (к постановке проблемы) / Ю.Е. Вершинина // Сборник статей студентов, магистрантов и аспирантов. — Вып. 8-9. — Нижний Новгород: Издательство ННГУ, 2010. — С. 16-20 (0,2 п.л.)
6. Вершинина Ю.Е. Терминология родства в "Истории лангобардов" Павла Диакона / Ю.Е. Вершинина // Форум молодых ученых: Тезисы докладов. — Том 2. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. — С. 5-6 (0,08 п.л.)
7. Вершинина Ю.Е. Переживание родства и чувства родственников в «Истории франков» Григория Турского / Ю.Е. Вершинина // *Vita memoriae*: теория и практика исторических исследований: сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции молодых ученых, студентов и учащихся МБОУ СОШ. — Нижний Новгород: Мининский университет, 2018. — С. 16-20 (0,4 п.л.)
8. Вершинина Ю.Е. Родство в «переводе»: особенности восприятия и передачи отношений кровного и искусственного родства в «церковной истории народа англо» Беда Достопочтенного и в ее переводе на древнеанглийский язык в IX-X вв. (терминологический аспект, к постановке проблемы) / Ю.Е. Вершинина // Алгебра родства. / Отв. ред. В.А. Попов. — №17. — СПб.: СПбНЦ РАН; АНО «КИО», 2019. — С. 93—113 (1,2 п.л.)
9. Вершинина Ю.Е., Блонин В.А., Маслов А.Н. Способы и функции репрезентации родства в средневековых текстах: обзор научного семинара / Ю.Е. Вершинина, В.А. Блонин, А.Н. Маслов // Алгебра родства / Отв. ред. В.А. Попов. — №17. — СПб.: СПбНЦ РАН; АНО «КИО», 2019. — С. 308-313 (0,4 п.л./0,13 п.л.)
10. Вершинина Ю.Е. *Parentes, propinqui, cognati*: родственники и группы родственников в произведениях Григория Турского (терминологический и семантический аспекты передачи отношений родства) / Ю.Е. Вершинина // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы VII Всероссийской с международным

- участием научной конференции молодых ученых. Ижевск, 3–4 декабря 2019 г. / Отв. ред. и сост. Д.В. Пузанов / УдмФИЦ УрО РАН. — Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2019. — С.56-60. (0,3 п.л.)
11. Вершинина Ю.Е. «Коварная мать» в «Истории франков» Григория Турского: истоки и функции образа в историческом нарративе / Ю.Е. Вершинина // *Vita memoriae: теория и практика исторических исследований: сборник статей по материалам VII Всероссийской научной конференции молодых ученых, студентов и учащихся МБОУ СОШ.* — Нижний Новгород: Мининский университет, 2019. — С. 6-8 (0,3 п.л.)
 12. Вершинина Ю.Е. Концепт *familia* в «Церковной истории народа англо-саксов» Беды Достопочтенного и ее переводе на древнеанглийский язык / Ю.Е. Вершинина // *Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Выпуск XXXII. Сравнительные исследования социокультурных практик* / Отв. ред. Е.А. Мельникова. — М., 2020. — С. 37-41 (0,3 п.л.)